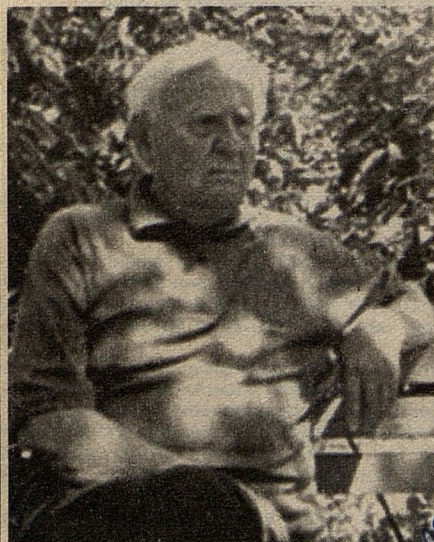

Я ВИЖУ ВАС...

К 90-летию Анатолия КАЛИНИНА

Дорогой Анатолий Вениаминович,

видимо, люди никогда не перестанут изумляться быстротечности жизни. Подумать только, так ли уж давно маститый старец Александр Серафимович приветствовал Ваше появление в литературе: "Здравствуй, молодой Шолохов!" И вот уже в день Вашего высокого юбилея можно сказать: "Здравствуй, девяностолетний Шолохов!"

Видимо, в нашем возрасте оглядываясь назад, люди всегда будут повторять за великим поэтом:

*Вот тот мир, где жили мы с тобою...
Друг мой милый, видишь ли меня?*

Я вижу Вас ясно рядом с Шолоховым. Почти вся Ваша жизнь прошла в добром соседстве с ним — в дружбе, учёбе и в защите его великого имени.

Я вижу Вас ясно в годы войны корреспондентом и в пору горького отступления и в дни, когда Вы смогли написать "Казачьи идут на запад".

Я вижу Вас встающим в 1958 году со страниц романа "Суровое поле", о котором, работая тогда в "Литературной газете", я напечатал там восторженную статью. И ка-

кой шум поднялся о романе! В "Новом мире" покойный писатель С.З. обвинил Вас в том, что Вы покусаетесь на "незыблемые основы метода социалистического реализма". Мало того! Он уверял, что герой романа писатель Михайлов, которому отдано всё авторское расположение, "приходит к оправданию власовщины!"

Это сейчас можно начать на то, например, что пишет в своих комических еврейских мемуарах Бенедикт Сарнов: "Что говорить! Он всегда был антисемитом, Володя Бушин". И в подтверждение этого приводит один, но убийственный факт: "Я видел, как Бушин красовался на каком-то коммунистическом митинге рядом с Анпиловым".

Это сейчас... А тогда газете "Литература и жизнь", которую возглавлял фронтовик Виктор Васильевич Полторацкий, и журналу "Молодая гвардия", где главным редактором был фронтовик Илья Михайлович Котенко, пришлось принять бой за Ваш роман, за фронтового товарища.

Не так давно один волосатый классик уверял, что до замечательной повести Валентина Распутина "Живи и помни" у нас никто и не смел касаться темы пленных, власовцев, дезертиров — запрещено, дескать, было строгайше! А о чем же едва ли ещё не 42-го года рассказ Александра Довженко "Отступник"? А повесть фронтовика Юрия Гончарова "Дезертир"? А одноименное стихотворение Евгения Винокурова? А повесть Айтматова "Лицом к лицу"? И Вы, Анатолий Вениаминович, как все названные здесь, наперекор упомянутому классику, разумеется, не оправдывали, а стремились осмыслить эти трагические явления.

Потом я вижу Вас в обнимку с замечательным цыганом Будудаем, кузнецом-мудрецом и храбрым воином, с которым Вы прошагали по всей стране через сердца благодарных сограждан. Критики усматривают близость Вашего Будудая цыгану Мелькиадесу из "Ста лет одиночества" Маркеса. Что ж, такая близость только углубляет образ.

Я вижу Вас 22 августа 1976 года — тридцать лет тому назад! — во главе праздничного стола под открытым небом по случаю Вашего шестидесятилетия в станице Пухляковской в двухстах метрах от тихого Дона. Стол ломился от щедрых даров Донщины. А какие сердечные речи произносили друзья — о Вашем прекрасном жизнен-

ном пути и большом таланте. Как ярко искрились и пенились наши бокалы! Как вдохновенно уже под звездным небом оглашали округу наше застольное пение! И Вы пели старинные казацкие песни.

*Ведь если истинно поётся
И полной грудью наконец —
Всё исчезает. Остаётся
Пространство, звезды и певец.*

Особенно хорош был со своим проникновенным хохлацким тенором Илья Михайлович Котенко... Сейчас, запамятав его отчество, я заглянул в биографический справочник о писателях-фронтовиках "Отчизны верные сыны", изданный в 2000 году Воениздатом (главный редактор И.А. Колос, составитель С.В. Грибанов). И что же? Там справки о И.М. Котенко не оказалось. Это как же так? Я стал листать книгу и обнаружил отсутствие многих славных имён. Так, Борис Львович Васильев есть, а Ивана Афанасьевича Васильева, лауреата Ленинской премии, нет; Евгений Захарович Воробьев есть, а Константина Дмитриевича Воробьева, из плена бежавшего к партизанам, автора знаменитой повести "Убиты под Москвой", нет; нет упомянутого выше прекрасного писателя из Воронежа Юрия Гончарова, нет моего институтского товарища Миши Кильчицакова, вернувшегося с войны без руки, нет Виктора Астафьева... И Вас, Анатолий Вениаминович тоже нет. Мало того, что Колос и Грибанов в угоду режиму лишили нас партийности — не было на фронте писателей-коммунистов! — они еще и не включили в справочник писателей, видимо, сомнительных для них. А ведь Колос — Герой России. Вот тот мир, в котором мы живём...

Ах, да плевать на этих угодников! Всегда они были, есть и будут. Зато знаете, что все, с кем в эти дни я говорил о Вас — Михаил Николаевич Алексеев, Александр Проханов, Валерий Ганичев, Иван Шевцов, Николай Федь, Михаил Шевченко, моя супруга Татьяна — все наговорили мне столько прекрасных слов о Вас, человеке и писателе, и так горячо все хотят видеть Анатолия Калинина во здравии и благополучии.

И вместе со всеми я вижу Вас в железном строю долгожителей, рядом с Сергеем Владимировичем Михалковым и артистом Владимиром Михайловичем Зельдиным, которым перевалило за девяносто, да еще и бок о бок с Игорем Александровичем Моисеевым, которому за сто, и с Борисом Ефимовичем Ефимовым, которому подкапывает уже под сто десять.

Все сотрудники "Завтра" крепко, как сыновья и младшие братья, обнимают Вас, девяностолетний Шолохов...

Всегда Ваш,

Владимир БУШИН

Красновидово-на-Истре